

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ГЛУХОВ Александр Анатольевич

**Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой
половине II вв. н.э.**

Специальность 07.00.06. – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Волгоград
2001

Работа выполнена в Волгоградском государственном университете

Научный руководитель -- доктор исторических наук,
профессор А.С. Скрипкин

Официальные оппоненты -- доктор исторических наук,
профессор В.Е. Максименко

- кандидат исторических наук,
профессор В.И. Мамонтов

Ведущая организация -- Саратовский государственный университет

Защита состоится «21» сентября 2001 г. в 12⁰⁰ часов на
заседании диссертационного совета Д 212.029.02 в Волгоградском
государственном университете (400062, г. Волгоград, ул. 2-я Продольная, д.
30)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Волгоградского
государственного университета

Автореферат разослан «   »   2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кузнецов О.В.

Общая характеристика работы

Актуальность темы. В первых веках нашей эры степи междуречья Волги и Дона населяли многочисленные сарматские племена. К этому времени сарматы продвинулись до границ Римской империи, превратившись в ведущую политическую силу в Восточной Европе. Сарматы вступили в тесные контакты с античной цивилизацией в лице греческих городов Северного Причерноморья, а также с народами Северного Предкавказья и Закавказья. Контакты эти имели различные аспекты и осуществлялись в разнообразных формах. Их изучение представляется важным для понимания исторических событий в Восточной Европе, на Северном Кавказе и в Закавказье.

Первые века нашей эры – это время распространения в волго-донских степях среднесарматской культуры. Вопросы ее происхождения и формирования постоянно находятся в поле зрения исследователей. По этой проблеме существуют разные мнения. Одни ученые считают, что среднесарматская культура преимущественно развивалась на местной основе (автохтонная версия), другие связывают ее складывание с появлением и утверждением в степях Восточной Европы новых племен, пришедших с востока (миграционистская версия). Последняя версия происхождения среднесарматской культуры приобретает все больше сторонников. Дискуссионным является и определение времени сложения среднесарматской культуры и ее завершения; на этот счет также нет единого мнения среди ученых. От решения этого вопроса в определенной мере зависят этноисторические реконструкции относительно данной культуры.

Недостаточно разработанными, по моему мнению, остаются вопросы экономических связей сарматов волго-донского междуречья в начале нашей эры с ближайшими оседлыми центрами: городами Северного Причерноморья, поселениями Кубани, Северного Кавказа, Нижнего Дона. Также актуальными, в связи с малой изученностью, являются вопросы социальной истории сарматов первых веков нашей эры. Хотя погребальные памятники среднесарматского времени предоставляют в распоряжение исследователей довольно яркий в этом отношении материал.

Междуречье Волги и Дона выбрано для исследования не случайно. Эта территория, особенно в низовьях Дона, долгое время являлась контактной зоной степных кочевников и населения античных центров. Достаточно тесными эти контакты были в первые века нашей эры. С другой стороны, это район, где имело место сильное смешение различных группировок и объединений кочевников, что наложило яркий отпечаток на культуру сарматов этой территории. Как показывают исследования, развитие здесь сарматской культуры на различных этапах отличалось некоторым своеобразием. На современном этапе исследования становится все более ясным, что и среднесарматская культура в этом районе отличалась особенностями развития, что могло быть обусловлено многими факторами: хронологическими, этнокультурными и др.

Состояние источниковой базы сейчас таково, что позволяет на новом, более высоком уровне, рассмотреть особенности развития среднесарматской культуры в указанном регионе от ее становления до завершения существования. Есть возможность, как мне представляется, выделить здесь ряд районов со своими локальными особенностями.

История изучения и степень разработанности темы. Началом серьезного изучения среднесарматских древностей можно считать 20-е гг. XX века. В результате исследований в Нижнем Поволжье, проводившихся П.С. Рыковым и П.Д. Рау, был раскопан ряд могильников, давших яркий археологический материал. Работами этих ученых было положено начало изучения вопросов хронологии и характеристики периодов сарматской культуры Нижнего Поволжья.

Следующий этап в исследовании сарматских древностей начинается в послевоенное время. Он характеризуется широкомасштабными раскопками, связанными с крупными государственными стройками. С середины 50-х гг. исследователи начинают больше внимания уделять сарматским памятникам междуречья Волги и Дона. Немалую роль в изучении сарматских памятников этого региона сыграла Астраханская Экспедиция ИА АН СССР, возглавляемая В.П. Шиловым. С 1962 г. возобновляются раскопки в Калмыкии под руководством И.В. Сеницына и У.Э. Эрдниева.

В 60-х и особенно с 70-х гг. археологические раскопки в Нижнем Поволжье и Подонье выходят на новый уровень. Это связано с включением в работу экспедиций местных университетов, пединститутов, музеев. В Ростовской области активную полевою деятельность вели экспедиции Ростовского университета, Ростовского педагогического института, Ростовского областного музея краеведения, Азовского краеведческого музея (АКМ). Наиболее крупными экспедициями, работавшими в 70-х гг. в Подонье были Донская экспедиция под общим руководством Д.Б. Шелова, а затем И.С. Каменецкого и Азово-Донецкая объединенная экспедиция ИА АН СССР, Ростовского университета, АКМ и Ростовского пединститута. В результате их работ были открыты и исследованы могильники: Крепинский, Ново-Александровка, Балабинский и др. В 1971 г. И.П. Засецкой, руководившей Манычским отрядом Волго-Донской экспедиции, исследовался курганный могильник Алитуб. Большой вклад в изучение древностей Нижнего Дона был сделан Приморским археологическим отрядом АКМ под руководством Е.И. Беспалого. В 80-х гг. ростовскими археологами в зоне строительства Мартыновской оросительной системы было открыто несколько курганных могильников, концентрировавшихся в среднем течении р. Сал.

Не менее масштабные и результативные, чем на Нижнем Дону, археологические раскопки проводились и в Нижнем Поволжье. С начала 70-х гг. в Астраханской области развернула раскопки курганов Поволжская археологическая экспедиция ИА АН СССР и Московского университета, открывшая ряд сарматских памятников в зоне строительства Астраханско-Калмыцкой оросительной системы. В Волгоградской области активные исследования проводились Волгоградским педагогическим институтом и Областным краеведческим музеем. Важное значение имели раскопки Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС Волгоградского педагогического института, под руководством В.И. Мамонтова. Им было раскопано значительное количество сарматских памятников, в том числе и среднесарматского времени. Особый интерес представляет могильник Первомайский VII на р. Мышковка. В начале 70-х гг. в зоне строительства

Городищенской оросительной системы проводил работы Городищенский отряд Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А.С. Скрипкина. Ряд ярких среднесарматских комплексов был открыт экспедицией Волгоградского педагогического университета под руководством Е.П. Мыськова на р. Аксай Есауловский. Таким образом, начиная с 70-х гг. и до настоящего времени, в междуречье Волги и Дона продолжают работать многие археологические экспедиции и отряды местных университетов и краеведческих музеев. В результате их работ постоянно накапливается новый материал по сарматской культуре, и исследуются различные районы междуречья Волги и Дона.

Многолетние полевые исследования в Нижнем Поволжье и Подонье предоставили в распоряжение ученых большой по объему и яркий по содержанию археологический материал, давший возможность исследователям уже на раннем этапе изучения сарматских древностей обратиться к рассмотрению различных вопросов, связанных с историей сарматских племен восточноевропейских степей.

Уже в 20-30-х гг. XX в. в работах П.С. Рыкова и П.Д. Рау были определены основные направления в изучении сарматских древностей. Многие вопросы и проблемы, намеченные этими исследователями, получили разработку на следующих этапах изучения сарматских памятников Восточной Европы.

Одной из важнейших проблем сарматской археологии является проблема хронологии сарматских культур. Очень остро в рамках этой проблемы стоит вопрос определения временных рамок существования среднесарматской культуры. Первым попытался выделить отдельные периоды в развитии сарматской культуры Нижнего Поволжья П.Д. Рау. Памятники, которые сейчас определяются как среднесарматские, он отнес к раннеримской стадии (Stufe A), датированной концом I в. до н.э. – II в.н.э. Позже П.С. Рыков, одну из выделенных им групп сарматских погребений, к которой были отнесены захоронения в широких ямах и диагональные погребения, датировал I – II вв.н.э. В послевоенное время к вопросам хронологии обратился К.Ф. Смирнов. Он передатировал два последних периода сарматской культуры, выделенные П.Д. Рау и удревнил их на один век. Начало среднесарматской стадии он отнес

к концу II – I вв. до н.э., начало позднесарматской – ко II в.н.э. Примерно в это же время Б.Н. Граков предложил четырехчленную периодизацию савромато-сарматской культуры. Среднесарматская культура, которая занимала в этой схеме III-ю ступень, носила название сарматской или сусловской и датировалась с конца II в. до н.э. по II в.н.э. После выхода в свет работы Б.Н. Гракова его периодизационная схема прочно утвердилась в отечественной науке. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. дискуссия по вопросу хронологии сарматских культур вышла на новый уровень. Особенно остро обсуждалась нижняя хронологическая граница среднесарматской культуры. А.С. Скрипкин выдвинул предположение, что граница между ранне- и среднесарматской культурами пролегает по рубежу эр. С мнением А.С. Скрипкина не соглашалась М.Г. Мошкова. По ее мнению, сложение вещевого комплекса среднесарматской культуры происходило в среде носителей прохоровской культуры, и оформился он не позднее конца II – начала I в. до н.э. Верхней границей среднесарматской культуры, по мнению автора, являлось начало II в.н.э. На сегодняшний день проблема хронологии среднесарматской культуры остается дискуссионной. Некоторые исследователи продолжают придерживаться традиционных взглядов (Мошкова М.Г.; Максименко В.Е.), другая часть поддерживает точку зрения А.С. Скрипкина (Симоненко А.В., Лобай Б.И., Абрамова М.П., Сергацков И.В.). В последние годы в литературе появились мнения о конечной дате раннесарматской культуры, приходящейся на начало I в.н.э. (Сергацков И.В.). О доживании раннесарматских традиций вплоть до второй половины I в.н.э. недавно высказался В.П. Глебов. Таким образом, проблема хронологии среднесарматской культуры в настоящее время остается остро дискуссионной и требует дальнейшей тщательной разработки.

В тесной связи с вопросами хронологии среднесарматской культуры стоит проблема ее происхождения. По этому вопросу в науке имеется две основные концепции. Первую можно назвать эволюционно-автохтонистской. В ее основу легли взгляды Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова. Дальнейшее развитие эта концепция получила в работах М.Г. Мошковой. Переход от раннесарматской культуры к среднесарматской, автор связывает именно с внутренними инновациями. Одним из центральных моментов концепции М.Г. Мошковой

является мнение о том, что «формирование среднесарматской культуры происходило в восточных, задонских, районах, и в создании ее принимало участие, по-видимому, лишь автохтонное население без включения пришлых иноэтничных племен» (Мошкова М.Г., 1988; 1989). Вторая концепция – в своей основе миграционистская. Наибольшую разработку она получила в работах А.С. Скрипкина. По мнению автора, складывание среднесарматской культуры связано с появлением и утверждением в степях Восточной Европы аланов, пришедших из глубин Азии и принесших с собой ряд восточных элементов культуры. Не вполне ясна позиция В.Е. Максименко относительно вопросов хронологии и происхождения среднесарматской культуры в недавно вышедшей монографии (Максименко В.Е., 1998). С одной стороны автор считает среднесарматскую культуру на Дону дальнейшим продолжением прохоровской, с другой стороны высказывается мысль о резкой смене культурных традиций, обрядности и материальной культуры и появление «новых этнических групп». Не ясны также хронологические рамки, определяемые В.Е. Максименко для среднесарматской культуры. Таким образом, проблема формирования среднесарматской культуры и время ее становления к настоящему времени не имеет однозначного решения.

Другой важной проблемой, связанной со среднесарматским периодом является так называемая «аланская проблема». Эта проблема имеет два основных аспекта: а) происхождение аланов и; б) время появления аланов в степях Восточной Европы. Вторым аспектом для нашей темы наиболее важен. В отечественной литературе по вопросу о времени первого появления аланов наблюдается многообразие мнений. По одной из версий, появление аланов тесно связано с событиями середины I в.н.э., в частности с сирако-аорской войной 49 г. (Виноградов В.Б., Раев Б.А., Мачинский А.Д.). Б.Н. Граков относил время появления аланов в Восточной Европе не раньше 70-х гг. Большим многообразием отличаются мнения о более раннем появлении аланов в Восточной Европе или об их исконности на этой территории (Ю.С. Гаглойти, В.А. Кузнецов, Б.А. Раев, С.А. Яценко, С.М. Перевалов, М.Б. Щукин). Таким образом, проблема появления аланов в восточноевропейских степях до сих пор остается дискуссионной, ученые в этом вопросе далеки от единодушия.

В ряду сложных задач стоит интерпретация диагональных захоронений, являющиеся одной из характерных черт среднесарматской культуры. Проблема диагональных захоронений до настоящего времени остается не решенной. Некоторые вопросы удалось уточнить, например их хронологию. По другим вопросам у исследователей имеются только предположения.

С накоплением новых археологических данных, с детальным изучением локальных районов южнорусских степей, становится все более ясным, что сарматская культура имела свою специфику и отдельных районах южнорусских степей. К изучению локальных особенностей развития сарматской культуры в различных районах в последнее время обратились многие исследователи (Медведев А.П., Ильюков Л.С., Власкин М.В., Максименко Е.В., Сергацков И.В., Симоненко А.В.). Работа в этом направлении видится очень актуальной и неслучайно одна из задач настоящей диссертация посвящена изучению локальных особенностей развития среднесарматской культуры.

Накопленный к настоящему времени археологический материал, как представляется, дает возможность еще раз обратиться к вышеперечисленным вопросам сарматской истории для их уточнения и корректировки.

Целью работы является детальный анализ всего имеющегося на сегодня материала и на основе полученных результатов уточнение вопросов хронологии, этнополитической и социально-экономической истории сарматов междуречья Волги и Дона в I – первой половине II вв. н.э., а также выявление специфических особенностей развития среднесарматской культуры в исследуемом регионе. Исходя из поставленной цели, в диссертации решаются следующие **задачи**:

- обобщение накопленного к настоящему времени материала;
- типологический анализ погребального инвентаря;
- разработка хронологической шкалы с максимально узкими датами для различных типов вещей;
- характеристика погребального обряда с учетом его микродеталей;

- выявление динамики развития материальной культуры и уточнение времени появления новаций, послуживших основой для сложения среднесарматской культуры;

- определение специфики археологических памятников среднесарматской культуры в отдельных районах междуречья Волги и Дона;

- исследование уровня социальной дифференциации сарматского общества в первых веках нашей эры;

- выявление культурно-экономических связей кочевников междуречья Волги и Дона с окружающим миром.

Территориальные рамки работы – междуречье Волги и Дона. Северная граница исследуемой территории условно проведена по линии, проходящей в месте наибольшего сближения Волги и Дона, выше Волгограда. Более северные районы междуречья не рассматриваются, так как недавно вышла работа, посвященная анализу материалов могильников с этой территории (Сергацков И.В., 2000). Южной границей являются реки Кагальник и Маныч, отграничивающие рассматриваемые памятники междуречья от более южных сарматских памятников Северного Предкавказья, отличающихся некоторой спецификой.

Хронологические рамки диссертации охватывают период I – первой половины II вв.н.э. – время распространения в восточноевропейских степях среднесарматской культуры. Нижняя граница совпадает с началом распространения в междуречье инноваций в вещевом материале и в погребальном обряде сарматов, определивших в I в.н.э. лицо среднесарматской культуры. Верхний рубеж определяется изменениями в среднесарматской культуре, которые привели к формированию позднесарматской культуры, отличной от предыдущего этапа по многим признакам.

Методологической основой диссертации являются позитивистский подход к анализу археологических и письменных источников, а также принципы объективности и историзма, позволяющие рассматривать процессы и явления в их динамичном развитии и во всем их многообразии. В работе использованы типологический, историко-системный, историко-сравнительный и историко-генетический методы.

Источниковой базой служат материалы раскопок, проводившихся в Волгоградской, Ростовской, Астраханской областях, а также в Калмыкии с 20-х гг. XX в. по настоящее время. Общее количество сарматских комплексов, подвергшихся анализу, составляет 370 погребений. Часть из них опубликована, но с основной массой материала пришлось знакомиться в областных музеях перечисленных выше областей, а также в архиве Института археологии.

Научная новизна исследования заключается в следующем: впервые предпринимается попытка на массовом материале определить по возможности узкие хронологические рамки бытования различных категорий вещей с целью создания внутренней периодизации среднесарматской культуры междуречья Волги и Дона и выяснения динамики ее развития; впервые на основе детального анализа погребального обряда и инвентаря выявлена специфика археологических памятников локальных районов междуречья Волги и Дона, в том числе астраханского правобережья Волги и степей Калмыкии, в отношении которых подобная работа раньше не проводилась; предпринята попытка на археологическом материале в общих чертах обрисовать социальную структуру сарматского общества первых веков нашей эры.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при изучении вопросов истории Нижнего Поволжья и Подонья, при написании обобщающих работ по археологии и истории сарматов, для разработки лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров для студентов исторических факультетов ВУЗов, при написании учебных пособий, а также в музейной и краеведческой работе.

Апробация работы. По материалам диссертации сделаны сообщения на IX – XI краеведческих чтениях в Волгоградском областном краеведческом музее (Волгоград, 1998-2000). Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на межвузовском историко-археологическом семинаре в Волгоградском государственном университете (Волгоград, 2000). Ряд сюжетов, вошедших в диссертацию, опубликован в виде статей.

Структура диссертации традиционна и определялась поставленными в ней целями и задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения,

списка библиографии, и приложений, содержащих табличный и иллюстративный материал.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, приводится историографический обзор и характеристика источников, формулируются цели и задачи исследования, очерчиваются географические и хронологические рамки работы, определяется ее методологическая основа, практическая значимость и новизна исследования.

В первой главе – «Классификация погребального инвентаря» - проводится типологический анализ основных категорий погребального инвентаря. Типология вещественного материала является необходимым условием при разработке вопросов хронологии любой археологической культуры. Как известно, вещи (их форма, технология изготовления, стиль) в той или иной степени менялись во времени, что было обусловлено многими факторами: развитием ремесла, модой и т.д. Есть категории вещей менее подверженных изменениям, и категории вещей, которые меняются довольно быстро, главным образом под воздействием моды. К последним относятся фибулы, зеркала, украшения. Именно эти предметы при успешной типологии могут дать наибольшее количество хронологической информации. Важное значение имеет массовый материал (вооружение, керамика), для которого первостепенным является создание дробных типологий, что позволит также использовать его при хронологических разработках.

В настоящей работе рассмотрены следующие категории вещей: фибулы, зеркала, импортная металлическая и стеклянная посуда, бронзовые литые котлы, детали конского снаряжения, предметы вооружения, глиняные курильницы, каменные сосудики, керамика. При датировке сарматских памятников часто используют бусы, но здесь данная категория находок не рассматривается, так как это отдельная большая работа, требующая тщательного анализа и лабораторных исследований.

Вопросами типологии вещественного материала занимались многие исследователи, поэтому для части вещей были взяты уже существующие схемы, несколько дополненные с учетом нового материала (фибулы – А.К.

Амброз; зеркала, мечи, наконечники стрел, керамика – А.С. Скрипкин; импортная металлическая посуда – Эггерс, Р. Петровский; бронзовые литые котлы – С.В. Демиденко; фалары – В.И. Мордвинцева). Для некоторых категорий находок были разработаны новые типологии, например, для глиняных курильниц, алебастровых сосудов, псалиев. Представляется возможным для создания типологии курильниц использовать метод соотнесения общей формы сосуда с геометрическими телами (цилиндр, конус, куб, полусфера). При выделении типов учитывалась форма тулова (как основного формообразующего элемента), а в качестве вариантообразующих признаков выступали формы венчика, дна и наличие (или отсутствие) на тулове валиков (А.А. Глухов, 2000). В основу типологии каменных сосудиков положены общие принципы выделения основных частей сосуда (тулова, дна, горла, венчика). Основным критерием при выделении типов является форма тулова, в качестве вариантообразующих признаков выступают наличие (или отсутствие) ручек, поддонов. Также учитываются общие пропорции сосуда. Типология среднесарматских псалиев основана на разработках С.Б. Вальчак, предложенные для материалов предскифского времени (С.Б. Вальчак, 1997). Учитывая основные параметры формы (длину, ширину, толщину) представляется возможным среднесарматские псалии разделить на 2 типа: пластинчатые и стержневидные. Большинство псалиев среднесарматского времени однотипны – относятся к типу стержневидных. Окончания определяют в данной классификации варианты псалиев. Варианты в свою очередь могут подразделяться на подварианты в зависимости от деталей формы концов и окончаний, а также от оформления этих элементов. Пластинчатые псалии найдены только в одном комплексе – Новый (к.7). Стержневидные разделены на 10 вариантов.

В целом, вещевой комплекс погребений первых веков нашей эры междуречья Волги и Дона характерен для среднесарматской культуры и находит большое число аналогий на соседних территориях.

Вторая глава – «Хронология погребального инвентаря» - посвящена хронологическому анализу различных категорий вещей.

Наиболее важное значение для хронологических разработок имеют категории вещей, время бытования которых укладывается в довольно узкие рамки. К таким предметам относятся фибулы, зеркала, импортная металлическая и стеклянная посуда, отчасти бронзовые литые котлы, некоторые типы керамики. В соответствии с задачами настоящего исследования была предпринята попытка выделения погребений с более или менее узкой датой, по возможности, датирующихся в пределах полувека. Подобный подход, при всех вероятностях ошибки в каком-то конкретном случае, кажется необходимым, так как сам среднесарматский период достаточно непродолжителен – немногим более века. Поэтому для разработки внутренней периодизации нужно оперировать датами как можно более узкими. Только в этом случае можно будет уловить динамику развития сарматской культуры в рассматриваемое время. При определении хронологических рамок бытования того или иного типа я опирался на узкодатированные комплексы с рассматриваемой, а также с соседних территорий. В результате такой работы удалось уточнить хронологию отдельных категорий вещей, а также определить периоды в развитии материальной культуры сарматов междуречья Волги и Дона. Таких периодов можно выделить два: 1) рубеж эр - середина I в.н.э.; 2) середина I – середина II в.н.э.

В первую хронологическую группу вошли следующие вещи (некоторые типы появились до рубежа эр): фибулы – воинские, подражание «Алезии», «Авцисса», лучковые 1-го варианта; зеркала – типы 1.01, 6.7; бронзовые литые котлы типа VI.1.A (открытых форм); наконечники стрел – типы 11.3, 11.4; стеклянные канфары 4-го варианта типа III-а и 2-го варианта типа III-б; патера с окончанием ручки в виде морды льва; ритуальные сосудики, выточенные из мягких пород камня, открытых форм – тип 8; керамика круговая сероглиняная – кувшины типов I, IV, V, VII, XVI, XXIV, XXVI, XXVII, кружки типов IV, X, XI, XIII, круговые горшки типов XVI, XXV, канфары типов I,II; керамика круговая красноглиняная – кувшины типов I, III, IV, VIII, горшки типов I, II, миски типов I, II без лака и миски, покрытые красным лаком типов I, II, канфары с краснолаковым покрытием типов I, II.

Во вторую хронологическую группу вошли: фибулы – лучковые 2-го и 3-го вариантов, фибула-брошь с круглым щитком и боковыми выступами, золотая брошь со щитком в виде животного, шарнирные ромбические броши с завитками на углах без эмали, сильнопрофилированные фибулы 1-го варианта I типа, «смычковая» фибула, фибулы с гладким корпусом и с кнопкой на конце пластинчатого приемника; зеркала-подвески типов 6.10.1 и 6.10.2; наконечники стрел типов 11.4 и 11.7; бронзовые литые котлы типа VI.1.A (чаще закрытых форм) и малые котелки типов X, XI, XIII; бронзовые тазы типа Эггерс 100 и типа «Ровное»; бронзовая патера типа Эггерс 155; бронзовый ковш типа Эггерс 142; керамика круговая сероглиняная – кувшины типов II, VI, IX, XIII, XV, горшки типов IV, XV, XX, канфары типов III, IV.

Первый период характеризуется появлением и началом распространения ряда новых типов вещей: бронзовых котлов с полусферическим туловом, часто имеющие зооморфные ручки, носик-слив, тамгообразные знаки, стержневидных псалиев с боковыми скобами-креплениями, алебастровых сосудиков с зооморфными ручками, зеркал типа 6.7, мечей с дисковидным навершием и др. предметов. Как показал хронологический разбор различных категорий вещей, появление их в сарматских памятниках междуречья Волги и Дона, относится, вероятно, к рубежу эр (может быть к концу I в. до н.э.). При этом продолжают бытовать типы вещей, которые были известны уже в раннесарматское время (например, мечи с кольцевым навершием, дисковидные зеркала типа 1.01, наконечники стрел типа 11.3, некоторые типы керамики). Памятники, в которых фиксируются «раннесарматские» вещи после рубежа эр, концентрируются в низовьях Дона и в районе наибольшего сближения Волги и Дона (Новый, Алитуб, Кулешовка, Первомайский VII, Аксайский).

Во второй половине I в.н.э. элементы раннесарматской материальной культуры, очевидно, уже исчезают и широко распространяются типы вещей, характерные для среднесарматской культуры: зеркала типа 6.10, наконечники стрел типов 11.4 и 11.7, стержневидные псалии с боковыми выступами-креплениями, бронзовые литые котлы среднесарматских типов, круговая керамика нижнедонского производства и пр.

На протяжении всего среднесарматского этапа бытовали: мечи с кольцевым навершием, парные курильницы, стержневидные псалии с боковыми выступами-креплениями, фалары, выполненные в полихромном стиле, алебастровые сосуды, наконечники стрел типа 11.4, кольцевидные пряжки с подвижным язычком, золотые нашивные бляшки разных типов, ножи с прямой или горбатой спинкой, сероглиняные кувшины типов VIII, XXII, XXX, XLV, XLVII, сероглиняные круговые горшки типов XIX, XXII, XXIII, сероглиняные миски типов I, II, III, V.

Приблизительно в начале II в.н.э. в сарматских памятниках междуречья отмечается появление вещей, которые позднее будут характерны для позднесарматской культуры (кубические курильницы, зеркала-подвески с орнаментированной оборотной стороной). В первой половине II в.н.э. в сарматских могилах начинают встречаться костяные накладки на лук и крупные наконечники стрел, характерные для хуннского оружия. Таким образом, появление позднесарматских черт в материальной культуре сарматов волго-донских степей можно отнести к первой половине II в.н.э., вероятно к началу этого столетия. Вместе с этим постепенно выходили из употребления некоторые вещи, бытовавшие в среднесарматское время: каменные сосудики, парные курильницы, бронзовые литые котлы среднесарматских типов. Другие же категории вещей, например, мечи с кольцевым навершием, в волго-донских степях доживают вплоть до конца II – начала III вв.н.э.

Учитывая условность археологических датировок, верхней границей среднесарматской культуры можно считать первую половину II в.н.э., при этом отдельные элементы среднесарматской культуры сохраняются в рассматриваемом районе и в более позднее время – вплоть до начала III в.н.э.

В *третьей главе* – «Погребальный обряд» - дается общая характеристика погребального обряда сарматов междуречья Волги и Дона в I – первой половине II вв.н.э., рассматривается проблема диагональных погребений, а также анализируется половозрастной состав и социальная структура сарматского общества по данным погребального обряда.

§ 1. Общая характеристика погребального обряда. Всего в данной работе рассматриваются материалы 50 могильников. В выборку вошли 370 погребений

среднесарматского времени. В большинстве случаев (74 %) среднесарматские погребения находились в курганах, сооруженных в среднесарматское время. Значительно реже они были впущены в курганы эпохи бронзы (22 %), и совсем редко – в савроматские и раннесарматские курганы (4 %).

Камень в сооружении насыпей использовался редко. В тех курганах, где камень присутствовал, он укладывался на древнем горизонте по кругу, образуя оградку (Антонов, кург.4 и 5). Распространенное явление – наличие материковых выкидов поблизости от могилы. Мощные материковые выбросы, располагающиеся в виде полукольца или кольца, чаще присутствуют в богатых курганах кочевой знати. Можно предположить, что такое кольцо, вероятно, исполняло роль ограды, границы, разделяющей мир живых и мир мертвых. Возможно, этими же соображениями было продиктовано сооружение под насыпью ровиков четырехугольной или округлой формы, которые концентрируются в нижнедонском районе.

В насыпи нередко встречаются остатки тризны в виде костей животных и фрагментов керамики (39 случаев), реже - следы огненного ритуала (8 комплексов). Для богатых среднесарматских захоронений характерным является обычай помещать в насыпи дорогую металлическую посуду и бронзовые литые котлы. В 54 случаях зафиксировано наличие над погребением деревянного перекрытия.

Для среднесарматского времени характерно преобладание основных погребений: из 338 погребений, характер которых можно выяснить, основными являлись 201 захоронение (60 %), впускными – 137 (40 %). На территории междуречья Волги и Дона количественно преобладают широкие прямоугольные и квадратные ямы, дающие в сумме около 38 %. На втором месте - подбойные ямы с одной нишей (20 %). Несколько реже встречаются средние прямоугольные (12,5 %) и узкие прямоугольные могилы (ок.8 %). С раннесарматского времени сохраняются также ямы с заплечиками (7,7 %) и подбойные с двумя нишами (2,8 %). Могильные ямы этих типов, вероятно, продолжали сооружаться в начале среднесарматского времени, но постепенно их количество уменьшалось. В особую группу выделяются прямоугольные ямы с тайниками, большинство из которых относится к типу широких

прямоугольных. Основная их часть концентрируется в низовьях Дона по левому берегу (10 комплексов). 4 комплекса известно на Аксае Есауловском и 1 - в Калмыкии (Ханата). В ниши-тайники богатых могил сарматами помещались, главным образом две категории инвентаря: литые бронзовые котлы и конское снаряжение.

В 13 погребениях были найдены остатки гробовища. Могилы, имеющие подбойную конструкцию, вероятно, имели деревянные заслоны, закрывающие ниши с покойником. В 102 комплексах зафиксирована органическая подстилка (камыш, войлок, ткань) в 3 умерший был обернут корой или лубом.

Половозрастной состав погребенных был определен в 264 погребениях. Количественно преобладают индивидуальные захоронения – 210 комплексов. Из них 85 мужских погребений (40,5 %), 89 – женских (42,4 %) и 36 – детских (17 %). Погребений, где было захоронено более одного человека – 54: парных – 40, захоронений трех человек – 12, захоронений четырех человек – 2.

Ориентировка погребенных установлена в 273 случаях. На рассматриваемой территории в среднесарматское время господствует ориентировка в южный сектор (91 %). В большинстве случаев погребенный был положен по оси ямы (65 %). Положение по диагонали ямы отмечено в 50 погребениях (22 %). Кроме положения по оси ямы и диагонального положения костяка зафиксировано положение умершего вдоль стенки широкой прямоугольной или квадратной могильной ямы (30 случаев - 13%). Во всех районах междуречья наблюдается господство традиционной для сарматской культуры позы погребенного – на спине с вытянутыми вдоль тела руками и вытянутыми ногами.

Остатки жертвенной пищи в виде костей животных обнаружены в 167 погребениях. Как правило, это кости овцы. Новой чертой погребального обряда, появившейся только в среднесарматское время, является обычай помещать напутственную пищу в миску (7 комплексов). В среднесарматских могилах нередко присутствуют предметы и вещества, которые, вероятно, играли ритуальную роль. К ним относятся: раковины, гальки, астрагалы, кремль, мел, реальгар, сера, охра.

В заключении параграфа рассмотрены роль и место отдельных категорий инвентаря (зеркал, парных курильниц, алебастровых сосудов, парных котлов) в погребальном обряде средних сарматов междуречья Волги и Дона.

§ 2. Половозрастной состав и социальная структура по данным погребального обряда. Данные, полученные в результате изучения сарматских погребальных памятников первых веков нашей эры, позволяют хотя бы приблизительно реконструировать половозрастную и социальную структуру сарматского общества рассматриваемого времени. Как уже отмечалось, половозрастной состав погребенных был определен в 264 погребениях. Мужских и женских захоронений обнаружено приблизительно поровну: около 40 % - мужских и около 42 % - женских погребений. Детских – более чем в два раза меньше (17 %). Захоронения пожилых людей встречаются очень редко. И взрослых и детей хоронили в одних и тех же могильниках. Отдельных детских кладбищ не отмечено. Наоборот, распространенным явлением было захоронение одного или нескольких детей в одной могиле с взрослым, чаще с женщиной (вероятно, матерью).

И в женских и в мужских погребениях часто присутствует разнообразный инвентарь. Иногда даже женские захоронения превосходят мужские по богатству и разнообразию, представленного в могиле погребального инвентаря. Особенно это касается погребений т.н. сарматских «жриц». Судя по ритуальному характеру многих вещей, находимых в могилах «жриц», вероятно, они отправляли религиозные культы, семейные или общеродовые. Захоронения сарматских «жриц» получают распространение на среднесарматском этапе, что позволяет считать их одним из диагностирующих признаков.

Распределение инвентаря в среднесарматских могилах коррелируется с полом и возрастом умерших. На основании этого в настоящем исследовании выделяются наборы вещей, характерных для каждой половозрастной группы.

Исходя из основных критериев определения социального положения того или иного погребенного и выяснения социальной стратификации общества (набор погребального инвентаря, погребальное сооружение и поза умершего) представляется возможным выделить 3 социальные группы населения,

составлявшие сарматское общество в первых веках нашей эры: а) кочевая знать, б) рядовые кочевники и в) представители низших социальных слоев.

Погребений высшей кочевой знати, представленных, главным образом, обширными квадратными или прямоугольными ямами, нередко с тайниками, не так много по сравнению с основной массой погребений рядовых кочевников, но они очень яркие и наряду с диагональными погребениями представляют «лицо» среднесарматской культуры.

§ 3. Проблема диагональных погребений. Последние разработки в области хронологии не позволяют говорить о существовании сарматских диагональных захоронений, особенно в Поволжье и на Дону ранее I в.н.э. (Скрипкин А.С.). Наибольшее их распространение приходится на I – начало II вв.н.э. Продолжают они существовать и во II в.н.э., приобретая некоторые черты позднесарматской культуры.

Бурные дискуссии среди ученых вызвал вопрос об этнической принадлежности диагональных захоронений (К.Ф. Смирнов, Абрамова М.П., Виноградов В.Б., Максимов Е.К., И.П. Засецкая, А.С. Скрипкин). Можно согласиться с мнением А.С. Скрипкина о том, что диагональные погребения распространяются в волго-донских степях вместе с приходом сюда после рубежа эр новых племен. В настоящее время трудно выяснить принадлежали ли диагональные погребения непосредственно аланам или другим племенам, входившим в аланский союз.

Археологические данные свидетельствуют, что диагональные захоронения являются не только этническим показателем. Данная группа погребений отличается, как правило, разнообразным и многочисленным инвентарем. При этом они уступают по богатству инвентаря погребениям, совершенным в квадратных и широких прямоугольных ямах (нередко с тайниками), где костяк умершего лежал по оси ямы. Встречаются как мужские, так и женские диагональные захоронения, причем для каждой из этих групп характерен определенный набор инвентаря. В могилах женщин обычно присутствуют вещи, многие из которых, как считается, играли ритуальную роль. Вероятно, они использовались при совершении каких-то ритуальных действий и

отправления определенных религиозных культов. Мужские диагональные погребения носят ярко выраженный воинский характер.

Таким образом, диагональные захоронения, вероятно, не принадлежали высшей кочевой знати. «Диагональщики», по-видимому, занимали более скромное место на социальной лестнице. В диагональных погребениях, вероятно, отразилась специфика профессиональной деятельности отдельных групп сарматского общества: мужчины – профессиональные воины, женщины – «жрицы». Вероятно, для сарматов, практиковавших диагональный обряд погребения, были присущи определенные религиозные представления.

Рассматривая характерные черты погребального обряда среднесарматской культуры нельзя не заметить яркие параллели, которые можно провести с погребальным обрядом савроматского времени: диагональные захоронения, погребения «жриц», обычай помещения в могилу пары бронзовых котлов. Таким образом, в начале нашей эры после довольно длительного перерыва (раннесарматский период) происходит возрождение целого ряда традиций, некогда характерных для савроматской культуры. Причины этого явления еще предстоит выяснить.

В четвертой главе – «Некоторые вопросы истории сарматов междуречья Волги и Дона в I – первой половине II вв. н.э.» - рассмотрены вопросы, связанные с хронологией, происхождением и развитием среднесарматской культуры в междуречье Волги и Дона, а также приводится этническая интерпретация памятников.

§ 1. Соотношение традиций и инноваций в развитии среднесарматской культуры междуречья Волги и Дона. Археологические материалы свидетельствуют о крупных изменениях, происшедших в степях Восточной Европы в начале новой эры, причем изменения эти затронули многие стороны жизни кочевников, начиная с материальной культуры и, заканчивая идеологией. Появление инноваций относятся примерно к рубежу эр. Все инновации, выявленные в культуре сарматов волго-донских степей рассматриваемого периода, обнаруживают восточные истоки: ближайšie аналогии многим вещам имеются в памятниках Средней Азии, более ранние прототипы известны в древностях восточной части евразийских степей – в

Западной Сибири, на Алтае, в Туве, Монголии, в Северном Китае. Археологически фиксируется именно внезапное появление широкого круга инноваций в культуре сарматов, что дает основание говорить о миграционном в своей основе характере процесса формирования среднесарматской культуры.

Появление новых группировок кочевников не привело к резкой смене населения в волго-донских степях, о чем свидетельствует факт сохранения в начале I в.н.э. в памятниках междуречья ряда черт предшествующей раннесарматской культуры. В низовьях Дона (в левобережье) и в районе наибольшего сближения Волги и Дона в начале I в.н.э. во многих могильниках (Новый, Алитуб, Кулешовка, Первомайский VII, Аксайский и в ряде др.) фиксируются традиции раннесарматской культуры. В настоящее время известен ряд раннесарматских комплексов, которые исследователи предлагают датировать началом I в.н.э. С другой стороны, в междуречье Волги и Дона, в частности на Нижнем Дону, на рубеже эр - в самом начале I в.н.э. появляются инновации, маркирующие новую культурную традицию. То обстоятельство, что старые раннесарматские черты, вероятно, продолжают бытовать какое-то время и после рубежа эр, а новые распространяются не ранее рубежа эр – начала I в.н.э., не позволяет согласиться с мнением ученых, включающих в период существования среднесарматской культуры I в. до н.э. О том, что старое аорское население Подонья в начале нашей эры оставалось довольно многочисленным, свидетельствуют сарматские могильники, в которых многие погребения носят переходный характер. На Нижнем Дону раскопаны целые могильники (Новый, Первомайский VII), которые демонстрируют культурно-интеграционные процессы, имевшие место в начале I в.н.э. Таким образом, можно считать раннюю часть I в.н.э. временем сосуществования в волго-донских степях памятников, принадлежавших как ранне-, так и среднесарматской культурам. Постепенное угасание раннесарматских культурных черт происходит, вероятно, ко второй половине I в.н.э.

В настоящей работе определяется среднесарматский археологический комплекс междуречья Волги и Дона. **I. В погребальном обряде:** 1) наличие материковых выкидов, как правило, кольцевидной формы; 2) для богатых среднесарматских захоронений - обычай помещать в насыпи ценные вещи, а

также использование огня в погребальной практике; 3) преобладание или господство (в зависимости от района) захоронений под индивидуальной насыпью; 4) преобладание широких прямоугольных, квадратных и подбойных с одной нишей могильных ям; 5) обычай сооружения тайников в широких прямоугольных могилах кочевой знати; 6) обычай помещать в погребение по два котла (большого и маленького); 7) обычай диагональных захоронений; 8) южная ориентировка. **II. В вещевом комплексе:** 1) круговая посуда кубанского, кавказского, нижнедонского, античного производства; 2) мечи с прямым перекрестием и кольцевым навершием (тип 3); 3) небольшая группа мечей с навершием в форме диска (тип 10); 4) парадные короткие мечи, ножны которых имеют 4 боковые лопасти; 5) железные черешковые трехлопастные наконечники стрел типов 11.3, 11.4, 11.7; 6) бронзовые зеркала типов 1.01 (как наследие раннесарматской культуры), 1.02, 4.10, 6.7, 6.10; 7) стержневидные псалии с боковыми прямоугольными выступами для крепления и различно оформленными окончаниями, нередко украшенные золотом или серебром в технике инкрустации или плакировки; 8) фалары конской упряжи, выполненные в золото-бирюзовом стиле; 9) поясные наборы, состоящие из пряжки, нашивных блях, подвесок и наконечников различной формы; 10) большие и малые бронзовые литые котлы с полусферическим или сферическим туловом, часто имеющие зооморфные ручки, тамгообразные знаки и носик-слив; 11) глиняные парные курильницы, чаще цилиндрической формы; 12) сосудики закрытых форм, выточенные из мягких пород камня, часто украшенные зооморфными ручками; 13) зооморфная керамика и драгоценные металлические кубки с ручками в виде зверя. Также в числе характерных черт среднесарматской культуры следует назвать такие яркие явления, как: захоронения т.н. «жриц»; звериный стиль в искусстве, ярчайшим примерами которого являются парадные вещи, выполненные в «золото-бирюзовый» технике»; тамги; частые находки по сравнению с предшествующим и последующим периодами импортов италийского и провинциально-римского производства (в погребениях знати).

Формирование этого комплекса признаков в отдельных локальных районах рассматриваемой территории происходило различными путями, о чем свидетельствует специфика среднесарматских памятников в каждом из них.

§ 2. Специфика формирования и развития среднесарматской культуры в локальных районах междуречья. Памятники среднесарматского времени междуречья Волги и Дона характеризуются локальными отличиями в различных районах рассматриваемой территории. Таких районов в географическом треугольнике «Азов – Волгоград – Астрахань» выделено три.

Район I. Левобережье Нижнего Дона от дельты до Аксая Курмоярского на северо-востоке, включая среднее течение Сала. На юго-западе в этот район входит Доно-Кагальницкое междуречье. Сарматские памятники рассматриваемого времени сконцентрированы в низовьях Сала и Маныча, а также в междуречье Дона и Кагальника. **Район II.** Район наибольшего сближения Дона и Волги, охватывающий территорию от Аксая Курмоярского до р. Сухой Караган на севере. Центр района – на р. Аксай Есауловский. **Район III.** Правобережье Волги от Волгограда до Астрахани, включая территорию Калмыкии. Юго-западная граница района проходит по Восточному Манычу в его верхнем течении. Памятники сосредоточены в правобережье Волги южнее Волгограда.

Наибольшая степень сходства в погребальном обряде и вещевом комплексе наблюдается между памятниками первых двух районов. Они характеризуются высоким процентом впускных могил (в I – 45%, во II – 42%), наличием в числе погребальных конструкций заплечиковых ям и подбоев с двумя нишами, распространением широких прямоугольных или квадратных ям с тайниками-нишами. Кроме сходства памятников первых двух районов междуречья в погребальном обряде, наблюдается близость и в вещевом комплексе. Здесь встречены все категории и типы инвентаря, перечисленные выше в числе характерных черт среднесарматской культуры междуречья Волги и Дона. Хронологически эти вещи распределяются достаточно равномерно в рамках среднесарматской культуры: немало комплексов как первой половины I в.н.э., так и комплексов, датирующихся второй половиной I в.н.э. – началом – первой половиной II в.н.э. Это позволяет говорить о непрерывности развития

сарматской культуры в нижнедонском регионе на рубеже эр и в первых веках нашей эры и о плавном переходе от раннесарматской культуры к среднесарматской, вследствие сохранения в этом районе значительной группировки старого раннесарматского населения.

Другая ситуация наблюдается в правобережье Волги южнее Волгограда и в Калмыкии (район III). Среднесарматские памятники этого района, отличаются от памятников Подонья по многим параметрам. Во-первых, существенная специфика проявляется в погребальном обряде: преобладание курганов средней величины при отсутствии крупных насыпей, высокий процент по сравнению с другими районами основных погребений (75 %), большое количество широких прямоугольных и квадратных могильных ям, значительное число овальных ям, большой процент ориентировок на ЮЗ, ЮЮЗ. Среднесарматские памятники III района выглядят довольно поздними и несут черты сформировавшейся среднесарматской культуры без включения в нее раннесарматских элементов. Вещевой комплекс среднесарматских погребений этого района включает инвентарь в основном характерный для второй половины I в.н.э.- первой половины II в.н.э. Важно отметить, что район III выделяется отсутствием ям с заплечиками и захоронений в насыпи курганов, датируемых среднесарматским временем. Здесь нет могильников, подобных Новому и Первомайскому VII (районы I и II), в которых сочетаются признаки ранне- и среднесарматской культур.

Таким образом, в астраханском правобережье Волги и в Калмыкии не наблюдается процесс плавного перехода от раннесарматской культуры к среднесарматской. Очевидно, в данном случае можно говорить о разрыве между ранне- и среднесарматской культурами в этом районе примерно около рубежа эр и существовании периода (вероятно, это первая половина I в.н.э.), когда население в этой части междуречья практически отсутствовало или было очень малочисленным. Снова здесь сарматские памятники массово появляются после середины I в.н.э., о чем свидетельствуют крупные могильники Старица, Кузин, Никольский, Сазонкин, Восточный Маныч II. Различия в погребальном обряде и вещевом комплексе между ранне- и среднесарматскими погребениями в рассматриваемом районе могут объясняться причинами хронологического, и,

возможно, этнического характера. Для подтверждения этих выводов, полученных на основании изучения археологического материала, интересны результаты анализа антропологического материала, проведенного М.А. Балабановой. Антропологические данные свидетельствуют о том, что среднесарматское население правобережья Волги имело в антропологическом типе ряд специфических отличий от населения Подонья и Заволжья того же времени (Балабанова М.А., 2000). Различия ранне- и среднесарматских краниологических серий правобережья Волги, вероятно, подтверждают гипотезу об уходе отсюда старого населения и повторном заселении его через определенный отрезок времени (скорее всего с середины I в.н.э.) племенами, отличными по своему происхождению от раннесарматских. Это объясняет отсутствие в правобережье Волги и в Калмыкии синкретических памятников, сочетающих в себе черты ранне- и среднесарматской культур, подобных погребениям из районов Подонья.

§ 3. Проблемы этнической интерпретации памятников. Значительная часть ученых связывает появление инноваций в сарматской культуре в начале нашей эры с приходом в степи Восточной Европы аланских племен, восточное («массагетское») происхождение которых у многих на сегодняшний день не вызывает сомнения. Наиболее предпочтительной представляется версия о формировании аланов в среде ираноязычных кочевников Азиатской Скифии. Наиболее стройной выглядит эта концепция в работе Т.А. Габуева (Габуев Т.А., 1999). Он приходит к выводу, что этноним «аланы» носит собирательный характер: в качестве двух основных и первоначальных компонентов выступали юэджи-тохары и усунь-асии, которые длительное время жили по соседству у северных границ Китая, пока под натиском хунну не вынуждены были уйти на запад в Кангюй. В качестве третьего компонента к ним следует присоединить местное население Кангюя, где и происходило формирование алан.

Первыми из сарматских племен, которые столкнулись с аланами, очевидно, были верхние аорсы, населявшие степи Нижнего Поволжья и Северо-Западного Прикаспия. Появление аланов в степях Восточной Европы, вероятно, не было ни постепенным, ни особенно мирным (Raev B., 1986). Это кажется тем более вероятным, если учитывать большую воинственность

аланов, отмеченную письменными источниками. С.А. Яценко относит «разгром» верхних аорсов аланами к середине I в.н.э. Но, судя по археологическим данным, это произошло (если такой разгром действительно имел место), вероятно, в более раннее время. Как было показано выше, в астраханском правобережье Волги, на территории, которая в последних веках входила в область расселения верхних аорсов, раннесарматские памятники существуют примерно до рубежа эр. Если принять тезис о резком исчезновении раннесарматских памятников на рубеже эр – в начале I в.н.э., то возникает вопрос: куда могло подеваться многочисленное население, которое, как было показано выше, может быть отождествлено с верхними аорсами? Естественно, что они не могли исчезнуть бесследно. Логично предположить, что если аорсы, жившие до нашей эры в Северном Прикаспии и на Нижней Волге, уходят со своих территорий, то они должны появиться где-то в другом месте. В письменных источниках прямых указаний на эти события нет, но некоторые авторы I в.н.э. (Помпоний Мела, Плиний) фиксируют этноним «аорсы» уже не только к востоку от Дона (где их помещал Страбон), но и на более западных территориях, во времена Страбона заселенные роксоланами. Здесь они известны под именем «амаксобиев». Учитывая сообщения античных авторов о появлении аорсов-амаксобиев в северо-западном Приазовье, а также вышеизложенную археологическую ситуацию в правобережье Нижней Волги, фиксируемую в конце I в. до н.э. - в первой половине I в.н.э. можно предположить, что именно верхние аорсы перемещаются на запад за Дон и становятся известны под именем амаксобиев. С ними могла уйти и какая-то часть нижнедонских аорсов, но большая их часть, скорее всего, оставалась на своих местах проживания, о чем свидетельствуют археологические материалы.

Продвижение аланов из Северного Прикаспия в Причерноморье, вероятно, осуществлялось через степные районы Северного Кавказа. Б.А. Раев связывает с появлением и распространением аланов возникновение меотских поселений на Дону. В результате давления новой волны кочевников с востока на оседлые центры Прикубанья, вероятно, часть населения была вынуждена переселиться на Нижний Дон. Но произошло это, скорее всего, не в середине I в.н.э., как считает Б. Раев, а значительно раньше. Так И.С. Каменецкий, посвятивший

хронологии донских меотских городищ специальное исследование, относит время их появления на Нижнем Дону к концу I в. до н.э. и особенно к рубежу эр. Следовательно, если принять точку зрения Б.А. Раева, давление новых кочевников с востока на оседлые меотские центры Кубани, вероятно, началось именно в это время - в конце I в. до н.э. Представляется, что появление в Прикубанье памятников нового круга с инновациями в погребальном обряде и вещевом комплексе, вероятно, близко по времени аналогичному явлению в междуречье Волги и Дона.

Появление аланов не привело к полной смене населения в волго-донских степях, о чем свидетельствует прослеживаемая линия преемственности между ранне- и среднесарматской культурами, особенно заметная в памятниках Подонья. Вероятно, на протяжении определенного отрезка времени старое раннесарматское население и пришельцы жили чересполосно, в некоторых районах особенно активно вступая в тесные контакты. Вряд ли можно поднимать верхнюю границу рассматриваемого процесса до начала II в.н.э. Вероятно, раннесарматские черты уже исчезают к середине I в.н.э. и во второй половине I в.н.э. среднесарматская культура в междуречье Волги и Дона предстает как полностью сложившаяся. Появляется значительное число могильников, имеющих «чистый» среднесарматский облик с характерными чертами именно этой культуры.

В первой половине I в.н.э. аорсы, вероятно, оставались значительной силой и продолжали играть важную роль на внешнеполитической арене, о чем может свидетельствовать участие и победа над сираками в войне 49 г. Одновременно с этим, очевидно, происходило постепенное усиление аланов, что в результате привело к переоформлению сарматского племенного союза на Нижнем Дону.

Господствующее положение в волго-донских степях аланы занимают, вероятно, после середины I в.н.э. Именно с этого времени они начинают упоминаться античными авторами. Политическим центром племенного союза во главе с аланами становится территория в низовьях Дона вокруг Танаиса. В аланское племенное объединение, очевидно, входило несколько более мелких подразделений кочевников.

Среднесарматская культура представляла собой очень яркий период в истории сарматских племен Восточной Европы, выделяясь многими своими элементами. Но одновременно с этим, среднесарматский этап был самым коротким по времени - немногим более одного века.

В первой половине II в.н.э. ситуация в волго-донских степях меняется. Появляются новые черты в погребальном обряде и вещевом комплексе, что связывается с формированием позднесарматской культуры. Большинство исследователей распространение инноваций после рубежа I – II вв.н.э. связывается с миграцией с востока на запад новой волны кочевников среднеазиатского происхождения.

Переход от средне- к позднесарматской культуре, вероятно, происходил в волго-донском междуречье в отдельных локальных районах не одновременно. Раньше всего позднесарматские черты фиксируются в астраханском Правобережье Волги и в Калмыкии. Некоторые могильники этого района содержат погребения, которые сочетают в себе черты средне- и позднесарматской культуры. Из числа таких погребений можно назвать известное и хорошо датированное захоронение в кургане 11 могильника Старица. Большой интерес представляет могильник Восточный Маныч II в Калмыкии. На его материалах прослеживается плавный переход от средне- к позднесарматской культуре. По мнению А.С. Скрипкина «под натиском пришельцев сарматам Заволжья, носителям местной среднесарматской культуры, пришлось отойти в междуречье Волги и Дона, преимущественно к югу от Волгограда». Следует добавить, что с заволжским местным населением в междуречье, очевидно, проникли и какие-то группировки новых мигрантов. Возможно, могильник Восточный Маныч II, как раз и демонстрирует этот факт. Комплексы данного могильника, вероятно, отразили процесс культурно-этнической интеграции старого и нового населения.

Вероятно, к середине II в.н.э. носители позднесарматской культуры проникают в низовья Дона, и во второй половине этого столетия их численность в этом районе возрастает, о чем свидетельствует факт появления новых имен иранского происхождения в Танаисе. Д.Б. Шелов объяснял это притоком нового населения из Поволжья не позже третьей четверти II в.н.э.

Старое «среднесарматское» население после прихода новых кочевнических группировок «поздних сарматов» оставалось жить на своих территориях. Вероятно, здесь мы сталкиваемся с тем же явлением чересполосного проживания старого и нового населения, как это имело место в первой половине I в.н.э. Старые культурные традиции сохранялись довольно длительное время, о чем свидетельствует доживание ряда черт среднесарматской культуры вплоть до III в.н.э.

В *заключении* содержатся основные выводы диссертации и намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Савромато-сарматские погребения из курганов в районе поселка Котлубань // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып.3. Волгоград, 1999. Соавтор: Скрипкин А.С. – С. 118-155.

2. Сарматские погребения из могильника Первомайский I // Донская археология. № 3-4. Ростов-на-Дону, 1999. Соавтор: Мамонтов В.И. – С. 55-60.

3. Глиняные курильницы из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона // Донская археология. № 2. Ростов-на-Дону, 2000. – С. 29-39.

4. Сарматские погребения из могильника Красный Пахарь I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып.1. Волгоград, 2001. – С. 208-219.

5. Ритуальные каменные сосудики из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона // Донская археология, 2001. (в печати, 14 а.л.).